

НИКОЛА КЫЛАСОВСКИЙ

Долгая... долгая дорога унылой ранней весной. Если бы ни дни пасхальные – вообще грусть. Останки благочестия? - где-то в сердцевине Урала, в Пермском краю. Предпразднование семисотлетия преставления ко Господу равноапостольного святителя Стефана. И ехать-то недалече, но дорога неприметно, исподволь вливается в тряскую категорию вечности. Повсюду – безлюдье огромных пространств, опустелая дикость совсем ещё не края огромной страны. То и дело вокруг – заброшенные жилища, погосты, печные трубы и храмы. Будто смертушка с косой так прогулялась по округе. И взвыть бы ямщиком среди опустелости этой, кабы не тихонькое, нестройное старушечье пение: «...радуйся, святыни чистое и честное жилище... радуйся, Николае, великий чудотворче...»

Вот диковина-то! Целый автобус, пазик, полный поющих старушечек и все наизусть выводят длиннющий и неудобовразумительный акафист, да улыбочиво так выводят, будто слушающий их, добрый батюшка Николай, – совсем рядом и тоже улыбается, радуясь. «Радуйся, Николае!» - и радуется...

Вдруг стыдишься себя, замечающего и фальшь, и песенное нестроение, стыдишься этих заметок горделивого неопита, не знающего ни молитв толком, ни Богослужения, ни акафиста тем паче.

Куда путь держим? Да к Николаю в гости, в село Кыласово, привести к празднику в уездный град Кунгур чудотворный образ, местно чтимый этак века с XVII. Впрочем, привезти – не совсем верно сказано. Едем звать в гости ко святителю Стефану Великопермскому на семисотлетие блаженного преставления – брата во Христе святителя Николая Мирликийского, в чудесном образе его. Обычное житейское дело: идут годы и праздники чередой подступают. И Святейшего на праздник - ждут. Вот и святитель Николай – зван. И гостеприимные палаты уж расписывают.

Я, грешный, трудился там артельным подмастерьем в отпуске от службы и в охотку пособлял мастеру, художнику Геннадию, чем мог: с архивными изысканиями, на подмалёвках, штукатурках, орнаментах... Уповая на волю Божью, мечтали мы тогда, о трудах храмоукрашательства на знаменитой Белой горе. А на подступах к ней – трудились к празднованию святителя Стефана в Кунгуре. Эх, и влекла же тогда Белая Гора со своей ослепительной историей святости на самом пике имперской истории России... на её кровавом излёте. Среди множества изысканных по архивам брошюр, книг, писем и прочих документов о Белой Горе попались и заметки о чудесах, связанных с иконой святителя Николая, что в селе Кыласове просияла во время оно, когда ещё не властвовали над страной безбожники.

Мы как-то сразу сдружились в Кунгуре с моим ровесником, молоденьким тогда иеромонахом Арсением. Он любил подниматься к нам на леса, приходиться к чаю. Мы много говорили с ним тогда о разном, об истории края, что чрезвычайно его увлекала. Как-то спросил его:

- А Вы, батюшка, слышали про икону Николая Кыласовского?
- А как же. Больше того, мы скоро поедем за ней, доставим к визиту Святейшего. Давай с нами?
- Конечно, поеду!

- Вот только, Димитрий, ты не удивляйся, там иконы уже, как бы сказать... и нет. Сам увидишь.

И вот - село. Наш автомобильный крестный ход бойко по мере сил и возрастов выгрузился из пазика и скорее к Николаю. Что бы нам ещё в этой веси делать. Примечательная церковка, - чуть ни екатерининское барокко посреди уральского леса. Впервые в жизни попал тогда в алтарь, с краешку простоял всю службу, как на облаке – пролетел её. Будто Ёжику из тумана явился тогда на миг улыбочивый пономарь, блаженно шептавший, возгревая кадило: «Ну, наконец-то пенсия! Теперь от Николая – никуда. Всё время – тут буду».

У резного Распятия - огромный, в латунном окладище с грузной митрой – тот самый чудотворный образ Николы «зимнего» (в шапке) - украшен пасхальными платами, озарён мерцанием свечей и плотно окружён в полутьме людьми. Слышались всхлипывания:

- Увозят! Забирают нашего Николу!
- Ладно... ненадолго ведь... вернут... праздник же.
- Уво-о-озят!

От иконы явственно веяло неизъяснимой тайной. Тёмный в темноте храма лик совершенно не виден при тусклом, трепетном свете свечей. Да и не хотелось глядеть в него, попадая буквально в некое силовое поле иконы, ощущая несознаваемый лёгкий сердечный трепет. Органы чувств словно бы умяются почтительным благоговением. Будто на Великом Входе литургии становится совсем не важно, что там священосцы, как лежит покров на батюшкиной епитрахили, дымит ли кадило... – Сам Господь Дарами Своими входит... – предстоим Ему, тайнообразованными херувимами. И склоняется голова, и умолкают трепетно чувства, приемлющие происходящее чем-то неведомым в себе. Не образом ли, сокровенным в глуби сердечной? И вот - возглашено «мир всем» и нескончаемо, невместимо – действительно преподан – мир сердцам и внемлющим душам. Голова склонилась сама, и не поднимались глаза перед этим распахнутым окном – образом, дышащим благодатью, за которым совершенно явственно, уверительно и проникновенно, - благословлял – сам святитель Божий Николай, Мир Ликийских Чудотворец. Вот и очередь приложиться...

Странно, отчётливо помнится, что не удивился вовсе, но испытал трепет, похожий на священный ужас и благоговейный восторг. Лика у иконы не было, не было вообще. Была – практически голая доска с небольшими фрагментами остатков то ли паволоки, то ли грунта...

Потом рассказывали, как усердная не по разуму прихожанка высветляла к празднику потемневшую темперу шампунью со стиральным порошочком... съевшим всё до дерева, - хорошо, не саму иконную доску. Позже, по благословению, мы с Геннадием осторожно снимали оклад, рассматривая состояние доличной живописи. «Похоже на конец шестнадцатого! - веско рассудил тогда мастер, - оставим так, нечего тут трогать!» И оставили – так.

Однако вернёмся в Кыласово. Забрали мы Николу и повлекли крестным ходом с хоругвями и акафистным пением – в гости на празднование Стефанова дня. И тут, уже за стенами церкви, началось совсем нескрываемое, почти неистовое: и причитания, и слёзы без удержу - от прощания, как бы навек. Желających приложиться ещё и ещё – весь храм,

всё село. Да так приложиться, чтобы Никола над тобой, склонённым и безутешным, сам прошёл красными ножками.

И снова пазик. Светлые старушки довольны достигнутым, неумно счастливы вблизи дорогого Гостя, сияют, как яички пасхальные и с усиленным задором выводят: «...радуйся, Николае!..» Так и катим крестно в Кунгур. А по пути деревни, посёлки, - немного их и в каждом остановимся. Там все уже знают и ждут. Ждут, как события, праздника, величайшего в году, да что там, - в жизни текущей и скоротечной. Сам Николай чудным образом своим в нашу весь изволяет явиться. Я тогда, грешным делом, не помышлял о возможности подобного. Будто и не исчезала никуда уходящая Русь, но скрывалась в невидимом, китежевом присутствии, чтобы внове явить себя, как бы ниоткуда. И я сам, будто окунался теперь не весть Бог в какой век, или в саму Русь вне – вековую, надмирную. Так ведь, пожалуй, и в «просвещённом» веке двадцатом, в начале его, диковинно и невообразимо радостно было Государю Николаю плыть в народной реке с мощами прославляемого Серафима, плыть по Волге у Костромы и видеть Свой народ, достойный Себя, возлюбленный и любящий, подданный верно. Знал об этом народ сёл и весей, прилегающих к Волге, выходил к берегу встречать своего Царя с хоругвями, молебнами благодарения и пением под колокольные переливы. Входил народ Божий в Волгу по рамена, и слёз не держал... Так или примерно так – писали современники, очевидцы происшедшего, - ошеломлённые внезапным и величавым возникновением из небытия Руси - народа, встречающего и чествующего своего Государя. И не изъяснить было тогда очевидцам ошеломившего их события ни открывшейся им вдруг природной святости народа, ни причин естественного, природного единения подданных со своим Царём и Царя – со Своим народом. Сколько же всего минуло с тех пор и переменялось. Невозвратно? Едва ли.

Теперь Николай святитель, батюшка, - образом своим - в едва населённой российской глуши. А народ Божий, - откуда, казалось бы, - как тогда, в 1913 на волжском берегу. У каждого села вдоль единственной раскисшей дороги – на коленях, шпалерами и стар, и млад – всем людом, миром всем. Никто не смотрит надзорно со стороны, не довлеет извне чуждым, высокомерным оком, – и народ Божий из глубины своей исходит истинной сутью, - таковой, как и был всегда: чистый, радостный, простой и светлый, - встречает своего Николая, Мир Ликийских и всей Святой Руси - Чудотворца. Всяк - прикладывается благоговейно, и желает, чтобы святитель сам прошёл над ним, склонившимся, – прошествовал ножками своими красными.

Молебен в избе престарелой монахини, живущей в деревне уединённо. «Кому я нужна в монастыре, - рассуждает, - а тут и люди свои, близкие все, присмотрят и пособят, коли что». Плохонькая изба, пустая, с бумажными скучными образками по стенам – на кнопочках. А прежде, говорят, вся её светёлка завидно сияла сокровищем старинных древлеправославных икон. (Пермский край издавна, с петровских ещё гонений, был исполнен старообрядческого благочестия, не исчезавшего никуда из глубин своих и не вычерпанного временами преходящими). Да вот как-то ушла из деревни на Пасху в ближайшее село, со всей деревней – ушла в храм Божий. Дверей-то в домах закрывать тут не принято, разве на гвоздик загнутый, от ветра. Так вот злой люд, сведуший, корыстный, - наехал, пока все молились, да и вывез сокровища подчистую. Властям ли без-Божным на нехристей жаловаться? Да и не кручинится хозяйка, рассказывая, - как же можно печаловаться, когда такой гость, - сам Ниолушка родненький, скорый на утешение и на

предстательство пред Господом за нас, - пожаловал на молебен! Только что вот чайком его не попотчевать.

Донеслось тихое и подслушал ненароком: «Батюшка! Ты огород-то Николаем осени! Кроты донимают – жуть!» Я тут же, с ехидинкой:

- Что же мы, отче, Николаем сейчас кротов шугать начнём?

- Молчи, Димитрий, это ему сущий пустяк. Кроты-то точно уйдут. Во имя Отца... и Сына...

Так, с остановочками на молебны и поклонения проехали мы весь этот затянувшийся путь. Но складывалось ощущение, что все, живущие здесь, все - встретились сегодня лично, лицом к лицу – со святителем, почтили проходящего, торжественно проводили его ко Стефану Великопермскому. Действительно, не столь уж много званных, но все они – избраны на великое пиршество, и все они сплошь в одеждах брачных.

Подрёмывая в конце пути под негромкий акафист, исподволь даже заучивая на слух что-то из него, думал, что вот сейчас уже город и совсем закончились, скоро и растворятся обыденностью все удивления минувшего дня. Не тут-то было. На въездном мосточке через извивистую Сылву – реку встречали нас, крестоходцев неспешных. Встречали, так точно, как и в деревеньках – всея по ходу крестному, всем миром, без особого преувеличения, – всем Кунгуром. Очень приблизительно известно было в городе, да и нам самим, где и когда мы появимся... - но встречали. Ждали, конечно, но что значит время ожидания здесь, в середцевине Урала, где на запад – Европа, Азия – на восток. И неведомо, какой тут из океанов ближе: Ледовитый, Атлантический, Тихий ли? Да и как было ещё куда-либо действительно - спешить в день чествования дорогого гостя. В пространстве ожидания образовывалась прекрасная возможность неторопливого приготовления себя общими молитвами к встрече столь высокого гостя. Почти стихийно - соборно молились о встрече. Может, и не пришёл кто-то из горожан к мосту, конечно же, были и такие, но совершенно без сомнения, все не пришедшие глубоко скучали в делах и обязанностях своих и непременно придут к Николаю позже, ведь празднование теперь только начинается. И снова: колокола, хоругви, нестеснительное пение, светлые облачения к пиру – у мирян, у клирошан – ризы пасхальные. Пение, перезвоны, словно бы невечерние – отсветы на лицах. Думалось порой, что радость переполняющая, не вмещающаяся в тело, норовит оставить его, как нечто чуждое и обременительное, чтобы выпрыгнуть изнутри, да и пойти самой гулять по округе неудержимо счастливым солнечным зайцем. Не было всю нашу дорогу ясного света небес – всё сплошь сирь, да изморось болотная. Но тут вдруг стало так очевидно, для чего было наваливаться этой природной хмури, - единственно для того лишь, чтобы теперь, брызнуть солнышку, вырваться ему на свободу из туч - в миг, когда шествию с Николаем святителем надлежало вынырнуть из пазика перед входом в – Никольский – храм...

Уже поздно вечером, когда улеглось всё и разошлись люди у церкви, закрывшейся на ночь, услышал со своих лесов, не ко мне обращённое, но явственное и отчётливое в акустике под полутёмными сводами:

- А что, отец Арсений! Приедет Святейший, спросит, где лик. Что делать-то будем? – Благодичный грузно, несколько устало и смущённо, в величавой задумчивости проплывал где-то далеко внизу, в густой тьме под лесами.

- Так надо будет – явится Николай, - Святейшему-то.

- Да что ты мелешь, отче Арсений!
- Ну, пожелает святитель и явится. Богу же всё возможно.
- Так-то оно, конечно, - так... Но спросит же Святейший: «Где лик?» - что ответим?

- Да явится, если надо. Являлся же.
- ?
- Агриппина, скажи!

Будто отделившись от церковной стены, из небытия ли возникнув, - серой тенью воспряла у подсвечника сухонья старушонка:

- Был! был! батюшка, давеча, точно был. После молебна. Все приложились, порадовались, ушли, а он – смотрит с этой вот доски – глазами... прямо на меня! Точно был, батюшка, вот те крест святой!

- Тю-ты!

Потом и я к Арсению со своими несмыслёнными домыслами: «Это ведь чудо было, батюшка: ни лика, ни пошиба, ни краски даже, вообще никакой эстетики! А слёзы, ход крестный, колокольные звоны, исцеления - говорят, всенародное почитание и торжество веры, праздник во всей полноте и великолепии! И всем раскрытым сердцам очевидное - явление святого перво-образа. И воздаяние, вознесение молитв – ему через это откровенное окно иконы, - безо всякой живописи - вообще. Что тут скажешь? Чудо! Нет живописи, но есть икона и чудеса от неё – творятся!»

Подумалось ещё о вновь приоткрывшемся смысле и наполнении новым осязаемым пониманием – евангельского сюжета об уверении Фомы... о блаженстве не видевших и уверовавших. Дал ощутить это по-новому Николай Кыласовский самым отсутствием видимого образа своего предложил уяснение евангельскому сюжету. Подумалось и об апофатическом познании – через непознаваемый мир Божественного сокрытия смыслов, о связанности откровенного с первообразом неявленным, непознаваемым и не отделённым при этом неотвратимо...

Позже, через многие годы, узнал о больших изменениях и новых радостях в селе Кыласово. О прошедшем поновлении Кыласовского храма, о новом иконостасе в нём, о новых иконах и... о реставрации чудотворного образа на старой доске. Прочёл радостные слова о дорогой ризе иконы, позолоченной, украшенной басмой и сканью, о великолепном киоте с басманным позолоченным багетом... В пред-ощущении случившегося и уже непоправимого – искал... и нашёл во всеобъемлющей сети фотографию отреставрированного образа. Написан по-новому, пошибом смелым, грубовато - византийским, талантливо написан и красиво. Уже без митры, «по-летнему», с фигурами предстоящими святителю, теперь смещёнными из верхних углов иконы - ниже надписи. Красиво, почти безупречно, талантливо написано. И камушки самоцветные, и тонкие орнаменты, и филигранные завитушки бороды – глаз не оторвать. Вот и не отрываю глаз, и не опускаю их, едва ли любясь видимым. Скорее, воздыхаю о невозвратном теперь уже – об исчезнувшем чуде вне-образного лика. Кисть мастера, увы, может быть ничуть не менее, чем шампунь старушки, безжалостна, бесчувственна, губительна... и само искусство живого письма - способно воздвигнуться мертвящей стеной перед образом, уже не проницаемым в обе стороны. Святителю, отче Николае, прости нас! Но Богу –

возможно всё... и ещё явится утраченный когда-то лик Николая Кыласовского, если надо... являлся же.

